

**ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2019-2020 УЧ. ГОД**

11 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа Даниила Гранина «Дом на Фонтанке». Выполните целостный анализ произведения. Вы можете опираться на вопросы или выбрать свой путь анализа. Ваша работа должна представлять собой связный, завершённый текст.

Опорные вопросы:

- 1. Какую роль играет тема памяти в рассказе? Какой «путь» прошёл герой-повествователь на протяжении рассказа? Почему он испытывает чувство вины, хотя не виноват?**
- 2. Как автору удастся показать связь между повседневным и вечным?**
- 3. Как можно объяснить смысл названия рассказа?**
- 4. Сопоставьте этот рассказ с другими произведениями, в которых поднимается данная проблематика.**

Максимальный балл – 70 б.

Время от времени мне снился Вадим. Сон повторялся в течение многих лет, однообразный, явственный: я шел по Невскому и встречал Вадима. Он ахал: "Не может быть, неужели ты остался в живых?" Он недоверчиво радовался: "Значит, ты не погиб?" Слегка оправдываясь, я рассказывал про себя и почему-то стеснялся спросить его... После войны я долго еще не верил, что он погиб, во сне же все переворачивалось, он удивлялся, что я уцелел. Он оставался таким же тоненьким, бледным. Глаза смотрели чисто и твердо, он слегка заикался, чуть-чуть в начале фразы. Но теперь, поскольку я нашелся, мы снова будем вместе. Я любовался им, резким и прямодушным лицом его, я блаженствовал, молот какую-то восторженную чушь. Вадим подшучивал надо мной, все, что он говорил, было точно, неопровержимо, я, как всегда, чувствовал его превосходство, завидовал и корил себя за эту зависть. Где он был все эти годы, я не мог понять, я знал лишь, что если начну допытываться, то будет нехорошо, что-то случится.

...Я просыпался и долго не мог понять, куда все подевалось. Где Вадим? Может быть, я не проснулся, а заснул? Сон был явственней, чем эта темная тишина, где спали моя жена, дочь, соседи, весь дом. Они смотрели сейчас свои сны, они были далеко и ничем не могли помочь. Я пребывал где-то в промежутке и не хотел возвращаться к себе, седеющему, контуженному, в жизнь, источенную застарелыми чужими заботами. Разрыв был слишком велик.

Однажды я сказал Вене про свои сны. Он серьезно посмотрел мне в лицо:

- Ты знаешь, мне тоже... Мне иногда кажется, что он жив.

Больше мы не говорили об этом. Из всей нашей компании после войны остались только мы с ним. Миша погиб, Борис умер в блокаду, Ира умерла от тифа, Люда умерла несколько лет назад, Инна уехала в Москву. Мы и не заметили, как остались с ним вдвоем.

Он пришел ко мне в воскресенье, часов в двенадцать. Просто шел мимо и зашел, без звонка, без причины.

- Пойдем погуляем, - предложил он.

Падал редкий снег, небо, низкое, серое, висело, как сырое белье. На улице мы поговорили с ним про Китай, про наши болезни, я довел его до остановки и вдруг сказал:

- Пойдем к Вадиму.

Он не удивился, только долго молчал, потом спросил:

- Зачем? Ты думаешь, Галине Осиповне это будет приятно?

Нет, я так не думал. Подошел его трамвай. Веня отвернулся:

- Чушь собачья. Теперь уже нельзя не поехать. Получается, что мы боимся.

Мы сели на другой номер, доехали до цирка и пошли по Фонтанке. Всю дорогу мы обсуждали гибель американских космонавтов. Шагов за сто до парадной Вадима я остановился:

- А что мы скажем?

- Скажем, что давно собирались, да все думали - неудобно.

- А теперь стало удобно? Находчивый ты парень. Лучше скажем, что вот случайно были поблизости.

Так мне казалось легче, может быть потому, что это была неправда. Обреченно мы переставляли ноги. Малодушные и страх томили нас. Сколько раз за эти годы мне случалось миновать этот серый гранитный дом. Я убыстрял шаг, отводил глаза, словно кто-то наблюдал за мной. Постепенно я привыкал. Почти машинально, лишь бы отделаться, я отмечал - вот дом Вадима. Все остальное спрессовалось в его имени, и чувства тоже спрессовались. В самом деле, почему мы не заходили к его матери, самые близкие друзья его? Впрочем, заходили. Я заходил, но я не хотел об этом рассказывать Вене. Он повернул бы обратно. Это было слишком тяжело. Мы вошли в парадную. Тут на лавочке обычно сидела Фрося. Когда мы были школьниками, она уже была старой. Она нянчила Вадима, вела их дом. В январе сорок второго года я пришел сюда с банкой сгущенки и мороженым ломтем хлеба. Фрося сидела на этой лавочке, с противогазом. Я бросился целовать ее. Она заплакала и повела меня к Галине Осиповне. И после войны, когда я зашел, она сидела на этой лавочке, в черном ватнике, такая же прямая, в железных очках, седые волосы коротко острижены. А потом я перестал ходить по этой стороне Фонтанки, я делал крюк, чтобы не встречаться с Фросей. Но и это, оказывается, было давно.

В просторной парадной сохранился камин, висело зеркало. Мы посмотрелись в него и поднялись на второй этаж. Я хотел позвонить, но Веня заспорил, показал на квартиру напротив. Я удивился: неужели он мог забыть? И он поразился тому, что я не помню. Нам и в голову не приходило, что мы когда-либо можем забыть двери его квартиры.

Послышались шаги. Щелкнул замок, дверь открыл румяный парень лет двадцати. Мне пришлось спросить:

- Простите, Пушкарёвы здесь живут?

Сама по себе фраза прозвучала для меня дико. Я вдруг сообразил, что прошло двадцать, нет, уже больше двадцати лет. Целая жизнь прошла. Вся жизнь этого парня. Какие Пушкарёвы, он скажет, что за Пушкарёвы?

- Вам кого, Нину Ивановну?

- Нет, Галину Осиповну.

Парень странно посмотрел на нас.

- Заходите, - и подошел к двери направо, постучал. - Нина Ивановна, к вам пришли.

Большая передняя медленно проступала в памяти - налево кабинет отца Вадима, Ильи Ивановича, полутемный, окнами во двор, с низким кожаным диваном, на котором мы листали огромную Библию с рисунками Доре. Там стояли шведские шкафы с книгами - механика, сопромат, мосты. Налево - столовая... Оттуда вышла маленькая старушка с желто-седыми стриженными волосами. Она вопросительно смотрела на нас. И парень стоял тут, любопытно ожидая.

- Мы товарищи Вадима, - произнес Веня.

Она слегка отшатнулась, прищурилась.

- Веня, - нерешительно сказала она, взяла его за руку, и он просиял.

- А вы... - и она назвала меня так, как меня звали только в этом доме. А мы не помнили ее. Вернее, я медленно начал вспоминать тетку Вадима, шумную, веселую, с высокими вьющимися волосами. Кажется, вешалка в передней была та же. И я повесил свое пальто, как всегда, на крайний крючок.

Мы вошли в столовую. Она удивила сумрачностью и теснотой. В ней до сих пор держался дух блокадной зимы. Громоздилась старая мебель из других комнат, та, что не стопили и не проели. С закопченного потолка свешивался грязный шелковый абажур. На облупленных подоконниках выстроилась посуда из-под лекарств, банки, молочные бутылки. Потом я узнал буфет. Он стоял во всю стену, с колонками, пыльными сверху, украшенными медными колечками. Наверху, на буфете, блестела керосиновая лампа. В углу поднималась железная печка. Сели за стол, мы с Веней рядом, Нина Ивановна напротив, они о чем-то заговорили, я смотрел на керосиновую лампу, пытаюсь понять, зачем она. Давно я не видел керосиновых ламп, может быть, это была единственная керосиновая лампа во всем городе.

- Веня, у вас глаза посинели. А были голубые. Ярко-голубые. Ну и лоб стал больше.

Я покосился на Веню. Он был лысый, глаза его выцвели, но я вспомнил, какие они были небесно-голубые и как он нравился девочкам. Он был самым добрым из нас и самым доверчивым. Он свято верил всему, что говорили, печатали, учили. Даже неинтересно было разыгрывать его.

- Галина Осиповна умерла, тринадцать лет назад...

- ...Нет, она не болела. Просто жить не хотела. Когда умер Илья Иванович, все для нее сошлось на Вадиме. Она не могла представить, что он не вернется... Она ведь долго еще ждала, вы знаете, она все надеялась...

Странно, что из всех погибших ребят я не верил только в смерть Вадима. И Веня не мог согласиться с тем, что его нет. Все остальные сразу становились мертвыми, а Вадим до сих пор...

Тринадцать лет... Я и понятия не имел. Выходит, она умерла через несколько лет после того, как я перестал заходить. Не обязательно было связывать эти события. По-видимому, я тогда уверял себя, что жестоко заставлять ее сравнивать, бередить раны. Я ничем не мог помочь ей, - для чего ж было приходить?... Нужно ли навещать жен и матерей наших погибших товарищей - вот вопрос... Всегда чувствуешь себя виноватым. А в чем? Что остался жив? Виноват, что здоров, что смеюсь. Галина Осиповна, конечно, не понимала, почему мальчики не приходят, что же случилось. А случилось то... Впрочем, ничего не случилось, все обстояло весьма благополучно, в том-то и дело...

- Можно, Нина Ивановна, посмотреть комнату Вадима? - попросил я.

Книжных полок там не было. Высокие книжные полки, где стояло Собрание сочинений Джека Лондона в коричневых обложках, приложение к журналу "Всемирный следопыт", комплекты "Мира приключений", которые мы зачитывали и загоняли букинистам. Сохранился лишь его письменный стол. Тут мы готовились к экзаменам. Вернее, Вадим помогал мне готовиться. В школе он мне помогал, и когда я поступал в институт - он тоже помогал. С какой легкостью он решал любые мои сложные задачи. Он любил и выискивал головоломность. Он решал их вслух, волнуясь, заикаясь, и все становилось изящно, просто. Дверь на балкон раскрывалась, ветер с набережной выдувал занавеску. "Когда ты научишься логически мыслить?" - горячился Вадим.

До сих пор не очень-то объяснишь, чем привлекал нас дом Вадима - интеллигентностью? добротой? еретичностью? Мы росли в коммунальных квартирах, в очередях, среди шума примусов; главным достоинством считалось наше соцпроисхождение, а в те годы для нас слово "интеллигент" звучало укором, примерно так же, как "белоручка", "спец", "мещанин", "бывший", - в общем, нечто подозрительное. И тем не менее нас тянуло в этот дом - весело-безалаберный, благородный, тут мы все были равны и пользовались теми же правами, что и Вадим.

И стояла фотография Вадима: остролицый, остроносый, задиристый, в галстучке, уже студент. Узенький галстук, такой, как носят нынче, а пиджак с широкими плечами, обидно старомодный. Внезапно я отчетливо представил эту фотографию напечатанной в журнале рядом со студенческими фотографиями Иоффе, Жюлио-Кюри, Курчатова. Погиб великий физик, и никто не знал об этом.

Карточка его имела ценность лишь для Нины Ивановны и для нас двоих. Так же, как его шаткий, исцарапанный стол с мраморной чернильницей. Старые вещи всем посторонним кажутся рухлядью. Это было единственное уцелевшее место, где сохранилась наша юность. В столовой висел большой портрет Галины Осиповны с маленьким Вадимом в коротких штанишках. Типичный маменькин сынок. Мы без жалости дразнили его, пока портрет куда-то не убрали. Мы дразнили его за вежливое обращение со всеми девочками; за то, что он не умел соврать, не желал писать ругательства на стенах. Но все прощалось ему за храбрость. В той большой драке с соседней школой... их было больше, мы отступили во двор, потом побежали кто куда, один Вадим остался, он не умел убегать. Он дрался в одиночку, пока его не повалили. Это и храбростью именовать нельзя, такой у него был характер. Бедный, заикающийся рыцарь в наилегчайшем весе...

Двадцать девятого июня. Спустя неделю после начала войны. Мы собрались последний раз. Я уходил в ополчение, Вадим тоже уходил в свою морскую пехоту. Веня ушел позже. То, что этот вечер последний, мы и думать не желали. Будущее было тревожным, но обязательно счастливым, победным, в маршах духовых оркестров, в подвигах, в орденах. Будущего тогда было много, о нем не стоило заботиться. Боря барабанил на рояле фоке, сделанный под Баха. Мы с Вадимом были в гимнастерках, обмотках и отчаянно гордились. О войне говорили мало, мы не знали, какая она. Ошеломленность и недоумение первых дней миновали. Возникало оскорбленное сознание нашей правоты, - может быть, впервые в короткой нашей жизни у нас было такое ясное, бесспорное чувство правоты. Кто-то читал стихи. Ира заканчивала филфак, и все принялись обсуждать, что такое литературоведение - наука или искусство. Хорошо, уточним, что такое наука?

- "Наука - это то, что можно опровергнуть", - сказал Вадим.

Он умел поворачивать привычное неожиданной стороной. Раз нельзя опровергнуть, следовательно, это уже перестает развиваться, перестает быть наукой. Посреди нашего спора Галина Осиповна молча вышла. Вадим пошел за ней. И только тут тревожное предчувствие коснулось нас. Наверное, взрослым невыносима была наша беззаботность.

Погасили свет, открыли окно. Вода в Фонтанке отражала белое небо, свет без теней, слепые окна Шереметьевского дворца, мы стояли, обнявшись, ушастые, стриженные под бокс, чуть хмельные; жаль, что я себя не помню, себя никогда не представляешь, зато я помню пушок на щеках Вадима - он только начал бриться, позднее нас всех. Он вернулся и стал рядом со мной. До чего ж мы ни черта не понимали!.. Но я не

испытывал сейчас никакого превосходства перед теми ребятами, перед тем собой. Скорее я завидовал им. То, во что мы верили, было прекрасно, и еще больше то, как мы верили.

- А как ваши успехи, Веня? - спросила Нина Ивановна. Откуда-то издали доносился его послушный голос, и я тоже издали увидел его жизнь.

Конечно, повезло, что он, провоевав всю войну, остался жив, но отсюда, из этой квартиры, судьба его никак не совмещалась с тем голубоглазым мечтательным Веней. Казалось, что останься Вадим жить, все сложилось бы иначе, была бы настоящая математика, а не чтение годами того же курса в техникуме. Может, и мне Вадим не позволил бы уйти из аспирантуры, не то что не позволил, а я сам не ушел бы. Во времена Вадима я соглашался, что самое великое событие - это открытие нейтрона. Вадины физика влекла меня больше, чем мои гидростанции.

Но вся штука в том, что он и не мог уцелеть. Такие, как он, не годились для отступления. Начало войны, ее первые горькие месяцы, эта бомбежка под Таниной горой, с рассвета нескончаемые заходы самолетов в пустом июльском небе, когда мы, обмирая от потного страха, вжимались в стенки окопов, а потом пошли танки, и мы стреляли и стреляли по ним из винтовок, а танки неудержимо напознали, справа через фруктовый сад, ломая белые яблони, и слева по зеленому овсу. Не выдержав, мы выскочили из окопов и побежали. Мы бежали от танков, друг от друга, от самих себя. Задыхаясь, я перепрыгивал плетни, канавы, падал и снова бежал, пока не свалился, ломая кусты, в пробитый солнцем ивняк. Пальцы вцепились в землю, она судорожно вздрагивала от бомб, отталкивая, не в силах защитить меня. В этом гибнущем, распадающемся мире память моя ухватилась за Вадима - он не мог, не способен был так бежать, спастись, он остался бы в окопах. Я лежал и плакал от стыда. До самой осени, пока мы отходили, эти минуты возникали передо мной, как заклинания. Что-то произошло со мной. Прошлое меня влекло больше, чем будущее.

Мы допили чай, встали. Нина Ивановна растерялась, она не удерживала нас.

- Вы простите, нам пора, - хрипло произнес Веня.

- Ну что вы, мальчики, я была рада. - Нина Ивановна церемонно наклонила голову. - Кто бы мог подумать...

Я смотрел вниз на давно не чищенный, почерневший паркет, словно разыскивая что-то. Рука Нины Ивановны вдруг легла на мою руку, пальцы ее дрожали. Мне захотелось наклониться и поцеловать ей руку, но я не умел, то есть вообще-то я умел, но сейчас я был из того времени, когда никто из нас не умел, не хотел уметь, слишком это было старомодно и смешно - целовать руки.

Невский оглушил шумом воскресного многолюдья. Стучали каблучки, неслись машины, звуки сталкивались, разбегались, тревожные, как будто кого-то догоняли, кого-то искали. Глаза девушек из-под капюшонов быстро обегали нас и устремлялись дальше. Каждая из них напоминала мне Иру, Люду, Катю. И парни с поднятыми воротниками коротких пальто, высокие, нежнокожие, только начинающие бриться. Где-то среди них должен был идти Вадим. Я вдруг подумал - будет ли он теперь сниться, увижу ли я его еще?

- Растревожили, разворошили, - сказал Веня. - И им тяжело, и нам. Странно, чего нас потянуло?

- Жалеешь?

- Нет, - сказал он. - Когда-нибудь же мы должны были прийти.

В том-то и дело, подумал я, рано или поздно мы должны были вернуться в этот дом. Не ради Вадима, ради себя. Вот опять этот дом на Фонтанке появился в нашей жизни, он уже не тот, мы не те, но все равно... Что-то, значит, оставалось все эти годы, нам-то казалось, что уже ничего нет, мы вроде и не нуждались, какого ж черта!.. Словно кто-то позвал нас, словно те годы - они продолжали существовать. Запах паленого абажура, обмотки, Фауст, книги, дом честных правил...

- А что, если и к нам когда-нибудь пожалуют? - сказал я.

- Ко мне? Сомневаюсь. Не тот дом. Ты считаешь, кому-нибудь понадобится?.. - Он покачал головой. - Пожалуйста, пусть приходят. В конце концов, мы честно воевали.

"И кроме того... - подумалось мне, - и кроме того..." - но что кроме того, никак было не вспомнить, никак было не пробиться сквозь ржавчину времени. Веня взглянул на часы, его ждали с обедом. Мы распрощались. Я пошел один. Эти парни и девушки посматривали на меня, наверное, что-то произошло с моим лицом, может быть, я был слишком далеко, но мне было наплевать, мне было сейчас не до них, я думал про Вадима и все не мог понять, приснится ли он мне теперь.

1967

ЗАДАНИЕ 2.

Какие произведения русской литературы связаны с Петербургом-Петроградом-Ленинградом-Петербургом? Назовите авторов, произведения, примерное время написания.

Как менялся образ этого города в литературе? Какие сюжеты связаны с образом этого города?
Максимальный балл – 30 баллов.